

INSPIRIA

Чайный клуб расследований

Рождество с подвохом

ВЕРОНИКА ХЭЛИ

INSPIRIA

Вероника Хэли
Рождество с подвохом
Серия «Ток. Убийства и кексики.
Душевные истории про убийства»
Серия «Чайный клуб
расследований», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74616306

Рождество с подвохом: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-255726-2

Аннотация

Идеальное уютное чтение для поклонников «Убийств и кексиков» Питера Боланда, «Опасной игры бабули» Кристен Перрин и «Рецепта убийства для настоящей лентяйки» М. С. Битон.

Детективы Вероники Хэли стали настоящей классикой жанра в Англии.

Новое зимнее расследование неутомимой Элли Квик – вдовы, страстной любительницы чая, а с недавних пор и опытной сыщицы-любительницы.

Вернувшись домой после празднования Рождества у дочери, Элли Квик с ужасом узнает, что в их тихом районе творится что-то неладное. Кто-то начал рассылать отвратительные анонимные

послания ее друзьям и соседям. Досталось даже священнику, которого обвинили в порочной связи с органисткой! А поспешное бегство преподобного только подлило масло в огонь местных сплетен.

Элли решает разобраться в происходящем, пока угрозы не переросли в нечто большее, но... оказывается слишком поздно. Теперь, заручившись поддержкой бывших коллег из благотворительного магазинчика, она намерена остановить нарушителя спокойствия и не допустить новых смертей. Особенно, когда сама стала мишенью его гнусных писем.

Неужели примерной Элли Квик есть что скрывать? Тем более после того, как на горизонте появился привлекательный вдовец, отчаянно добивающийся ее внимания.

«Сочетая искрометное остроумие... причудливые повороты судьбы и драматичный финал, Хэли предоставляет все, что нужно для идеального чтения». – Publishers Weekly

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вероника Хэли

Рождество с подвохом

Veronica Heley

MURDER BY POISON PEN

© Veronica Heley 2002, 2023

© Коваленко В., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

*От дел, творящихся в ночи,
Господь, избави нас...*

Погасите свет – и название игры изменится на «Опасность».

Выключатель щелкнул неестественно громко. Их окружила темнота. Элли слышала собственное дыхание.

Шуршание тяжелого пальто по брюкам. Она должна двигаться, иначе окажется в ловушке. Элли сделала осторожный шаг назад и врезалась спиной в стену.

Она заморгала, пытаясь приучить глаза к темноте. Сквозь жалюзи на окне просачивался тусклый свет. Что-то... кто-то... стоял между Элли и окном.

Женщина опустилась на колени, стараясь не шуметь. Она приказала себе не паниковать. Но где же дверь, ведущая во внешний мир?

Заскрежетал ключ. Она была заперта.

Кто-то двигался вокруг стола. Нашупывал дорогу. Рука поднялась.

Свет упал на острие оружия. Элли закричала бы, если бы кто-нибудь мог услышать.

Тяжелая рука опустилась...

– Но, Элли, разве вы не знали, что его уволили?!

Элли чуть не пролила кофе на свою лучшую синюю юбку.

– Что?! Не может быть!

Она гостила у дочери и зятя на Рождество и накануне поздно вечером вернулась домой после холодного и долгого путешествия. Проспав, опоздала в церковь. Элли совсем недавно вступила в хор, поэтому одевалась в спешке и под неодобрительными взглядами упала на церковную скамью, когда зазвучал первый гимн.

После службы, за чашкой кофе в церковном зале, Элли с невинным видом заметила:

– Я была удивлена, увидев, что службу ведет помощник священника. Гилберт уехал в отпуск?

И тут она узнала, что Гилберта уволили!

Подошел Арчи Бенджамин, церковный староста, смуглый, к полудню уже заросший щетиной, сияющий от радости по поводу ее возвращения.

– Приятно снова видеть вас, Элли. Вы спрашивали о Гилберте? Его не уволили. Только перевели.

Арчи питал теплые чувства к Элли и, как обычно, старался держаться к ней вплотную. Она стерпела это только потому, что его информация, скорее всего, была точной.

Женщина, сообщившая новость Элли, – еще одно сопра-

но, – громко фыркнула.

– Перевели, уволили. Разницы нет.

Элли потеряла лоб.

– Об этом ничего не говорили до того, как я уехала на Рождество, и стоило мне отлучиться на минутку...

– Дорогая леди, вас не было почти три недели. Поверьте, я считал дни!

Оказавшись в неловком положении, Элли почувствовала, что должна объясниться.

– Внук подхватил грипп, а потом заболела моя дочь Диана, поэтому я у них задержалась. Я знаю, Гилберт здесь уже несколько лет, и наверняка его пора сменить, но зачем переводить так быстро?

Выпуклые глаза сопрано заблестели. Элли решила, что эта женщина ей совсем не нравится.

– Скандал, дорогая! Все это вылилось в письмо епископу...

Арчи притворился испуганным, но на самом деле тоже наслаждался происходящим.

– И другим. Я тоже получил письмо. В нем говорилось: «Спросите эту профурсетку Нору о разврате в доме священника».

Они оба захихикали. Элли почувствовала отвращение.

Она хорошо знала Гилберта. Даже если не учитывать факт, что он нежно любил свою жену, он никоим образом не мог быть вовлечен в такую пошлость, как связь с Норой, их

безвольной миниатюрной органисткой.

– Я собиралась порвать и выбросить свое письмо, – заявила сопрано, – но никогда раньше не получала таких напитанных ядом анонимок, поэтому показала его матери, и она сказала...

Элли почувствовала, что ей не помешало бы присесть. И как можно быстрее. Она огляделась в поисках стула, но все места в зале оказались заняты. Мужская рука взяла ее под локоть и повела в фойе, достаточно просторное и пустое. С не меньшей ловкостью рука избавила Элли от пустой кофейной чашки.

– Рой Бартрик, – представился обладатель руки. – Вдовец, недавно прибыл в этот приход.

Элли моргнула. Она забеспокоилась, не заболела ли тоже гриппом, потому что на мгновение ей показалось, что у нее двоится в глазах. Она моргнула еще раз, и двоящееся изображение исчезло. Что за чушь, подумала она. Этот человек совсем не похож на ее дорогого мужа Фрэнка, который умер ровно три месяца назад, если считать с завтрашнего дня...

– Элли Квик, – представилась она с приветливой улыбкой. – Вдова из этого прихода.

«И ничего собой не представляю», – добавила бы она, если б ее спросили. Она не была ни высокой, ни особенно стройной, и в пятьдесят с лишним ни одно модельное агентство не обратило бы на нее внимания, пусть даже ее короткие вьющиеся волосы приобрели весьма привлекательный серебри-

стый оттенок, а кожа оставалась хорошей.

Этот мужчина оказался выше Фрэнка. Более стройный, практически худощавый, симпатичный, с седыми волосами и черными бровями над темно-синими глазами. Глаза Фрэнка тоже были голубыми, но...

Элли попыталась снова улыбнуться незнакомцу, потому что было невежливо погружаться в воспоминания в его присутствии. Да, этот человек совсем не похож на Фрэнка.

– Я должна извиниться, – сказала она. – Преподобный Гилберт Адамс и его жена – мои давние друзья, и меня шокировала новость, что его перевели.

– Скандальные события, как я понимаю, – ответил Рой. – Что-то про «разврат в доме священника»? Кто бы мог подумать, что в этом тихом пригороде такое может случиться?

Он приглашал ее посмеяться вместе с ним, но Элли не могла заставить себя сделать это.

Помощник священника, известный в приходе как «Тихоня Тимоти», обходил прихожан, по-прежнему в сутане. Пожимал руки, улыбался, кивал. Нет, не улыбался. Светился от счастья. Очень счастливый тюфяк, который стал главным в отсутствие Гилберта.

– У вас слегка усталый вид, – заметил незнакомец. – Подвезти вас домой? Мой «Ягуар» стоит на улице.

– Очень любезно с вашей стороны, но я живу напротив церкви.

– Тогда давайте я провожу вас домой.

Арчи прокладывал себе путь сквозь толпу. Через мгновение он тоже предложит проводить ее домой.

Скорее раздраженная, чем польщенная мужским вниманием, Элли обрадовалась, увидев, что к ней направляется и миссис Доуз, величественная глава группы по оформлению церковных букетов, и еще одна участница хора.

— Элли, вы идете? Приятно снова вас видеть, мистер Балтик...

— Бартрик.

— Точно, Бартрик. Элли, вы идете? Полагаю, вы слышали новости. Я никогда в жизни не была так потрясена. Застегните пальто, дорогая, эти январские ветры порой по-настоящему пронизывают, а вокруг ходит грипп. Я слышала, ваша дочь тоже переболела? Я пролежала все Рождество, не смогла даже встать, чтобы убрать елку в церкви, а потом, когда все же ее убрала, этот глупый маленький... в смысле, помощник священника... пришел и сказал мне, что в будущем сам будет проводить службы и не хочет, чтобы рядом с алтарем стояли наши большие вазы, которые мы наполняли цветами, как вы знаете, дорогая, с тех пор, как я себя помню... Осторожно, на дорожке гололед... Поэтому я сказала ему... я имею в виду Тимоти... что надеюсь, что епископ довольно быстро назначит кого-то нового, а он ответил, что нет, он собирается сам подать заявку на вакансию, которую, как я ему напомнила, он не получит, учитывая, что это его первое место службы...

Они прошли по дорожке под высокими деревьями, окружавшими красивую викторианскую церковь, и через калитку вышли на аллею, которая тянулась вдоль церковной территории. Здесь они оказались напротив еще одной калитки, ведущей в сад Элли и дальше, к ее дому. Человек, выгуливающий собаку, пытался оттащить терьера, который заметил маленького соседского мальчика на дереве.

Элли помахала Тоду, с которым дружила. Он помахал в ответ. Наверное, играл в детектива. Тод был одинокой душой, склонной к драматизму.

Миссис Доуз остановилась, когда они подошли к калитке Элли. Та понимала, чего от нее ждут.

– Заглянете ко мне?

– Вообще-то мне некогда, но, пожалуй...

* * *

В зелено-желтой кухне женщина опустила жалюзи на окне, чтобы никто не мог заглянуть внутрь. Она натянула перчатки цвета календулы и достала из ящика стола лист разноцветной бумаги. Рядом с кружкой кофе она разложила линейку и шариковую ручку. Эта гуляющая корова должна быть наказана, изгнана из прихода. Только тогда справедливость восторжествует.

Женщина в желтых перчатках наслаждалась ощущением власти, которое давало ей это письмо.

Потянувшись за шариковой ручкой, она задела чашку с кофе и пролила немного на стол. Быстро вытерла жидкость. На край блокнота попало всего несколько капель.

Беспокоиться не о чем. Никто не отследит, что письма ведут к ней.

* * *

Закрывая за собой калитку, Элли оглянулась на церковь и увидела, что Рой прошел часть пути следом, чтобы убедиться, что она благополучно добралась домой. Она помахала ему и повела миссис Доуз по садовой дорожке, а затем через заднюю дверь в свою уютную кухоньку.

– Еще чашечку кофе или чего-нибудь покрепче?

– Нет, дорогая, я не останусь, – сказала миссис Доуз, сбрасывая с плеч оливково-зеленый жакет на подкладке и клетчатый шарф и приглаживая свои невероятно черные как смоль волосы. – Ну разве что немного шерри?

Элли провела ее в прохладную зеленую гостиную, которая простиралась от фасада до задней части дома и окнами выходила на сад и церковь с одной стороны и на тихую боковую дорогу – с другой.

– Прошу прощения за беспорядок. Я только вчера вечером вернулась от Дианы и еще не успела вытереть пыль.

Миссис Доуз пощупала землю в цветочном горшке, стоявшем неподалеку.

– Могли бы попросить меня зайти и присмотреть за растениями, пока вас не было.

– Я не собиралась уезжать больше чем на неделю, но потом... грипп...

– Вы пропустили все веселье. – Миссис Доуз сделала глоток шерри и со стуком поставила стакан на стол. – Хотя нет, это было совсем не весело. Сначала письмо получила Гвинет... вы ведь знакомы? Вы с ней только что разговаривали: пышногрудая сопрано, считает себя еще одной Брунгильдой, Божий дар приходу, работает на полставки в приемной у врача, очень привязана к священнику, а вы знаете, как он всегда добр... был... к людям, попавшим в беду...

Элли кивнула. Она не знала, как бы справилась со смертью Фрэнка, если б не доброта и понимание Гилберта и его жены Лиз.

– Гвинет показала письмо нам. Мерзость. Она восприняла все как шутку, но мне не понравилось. Остался неприятный привкус. Там было написано: «Остановите разврат в доме священника! Немедленно увольте проститутку!»

Их кроткая миниатюрная органистка вела себя как курица, которой отрубили голову, после смерти престарелого отца – еще до того, как она узнала, что он оставил ее без гроша в кармане и ей грозит выселение из квартиры. Гилберт был бесконечно добр к ней, выкраивая время в своем плотном графике, чтобы попытаться помочь. Нора, в свою очередь, стала зависеть от него.

Элли знала Гилберта много лет.

– Он бы никогда ничего такого не сделал...

– Нет, дорогая. Конечно, нет. Но, возможно, Норе бы этого хотелось, а?

Миссис Доуз поймала взгляд Элли, и они обе снисходительно улыбнулись. У Гилберта была привычка обнимать тех, кто попал в беду, что очень утешало скорбящих, но могло быть неверно истолковано придирчивым взглядом со стороны.

Бедная, невзрачная Нора, женщина средних лет, подумала Элли. Изящно играет на органе и совершенно не разбирается в одежде. Никогда не работала. Ничего стоящего. Неудивительно, что она пропустила сегодняшнюю службу.

Отсутствие Норы было первым, на что обратила внимание Элли, когда вошла в церковь. За органом сидел местный руководитель скаутов, и он тяжело нажимал на клавиши. Его громкие аккорды ни за что не спутаешь с нежными трелями Норы.

Миссис Доуз уставилась на ковер, пока старинные часы в холле тихонько тикали, а с высохшей азалии упало несколько мертвых листьев. Элли с ужасом осознала, что на этот раз грозная пожилая женщина выглядела уязвимой.

– Это кошмарно – гадать, кто получит письмо следующим, – внезапно призналась миссис Доуз. – Все они написаны на цветной бумаге, разных цветов: красной, фиолетовой, синей, зеленой. Заглавными буквами, шариковой ручкой. Ни

орфографических, ни грамматических ошибок, значит, писал кто-то с хорошим образованием. Мне такое письмо не пришло, но после Гвинет их получили еще несколько человек. Я сказала, что нужно обратиться в полицию, но никто не стал этого делать, потому что все думали, что об этом узнают газеты, а меньше всего на свете хотелось, чтобы у Гилберта начались неприятности. У Норы – пускай. Но не у Гилберта. Нашему любимому помощнику священника пришло особенно язвительное письмо. Он показывал его всем, спрашивая, не обязан ли сообщить епископу. Старался сделать вид, будто ему это не нравится. Нора взяла несколько экземпляров и отнесла Гилберту, который тоже получил одно письмо. В конце концов, это Гилберт и Лиз передали их епископу. Лиз держалась великолепно, но ведь она всегда такая, правда же? Следующее, что мы узнали, – Гилберт и Лиз собирают вещи. Епископу требовалось срочно найти человека на вакансию на другом конце Лондона. Не думаю, что он поверил тому, что говорилось в письмах. Я уверена, что у него больше здравого смысла. Но вот как все сложилось. Всегда найдутся люди, которые скажут, что дыма без огня не бывает. Гилберт зашел повидаться со мной. Он выглядел... старым. Но вы же знаете, какой он. Всегда держит марку. Он сказал, что рад новому поручению, а здесь пробыл слишком долго. Выразил сожаление, что не успеет попрощаться со всеми. В частности, с вами. Сказал, что пришлет вам весточку, как только узнает свой новый номер телефона.

Элли посмотрела на стопку нераспечатанных писем, которую обнаружила на коврике у двери, вернувшись накануне вечером. Помня о хороших манерах, она спросила миссис Доуз:

– Я взгляну быстренько?

– Конечно.

В стопке были обычные рождественские открытки и письма от друзей, рекламные проспекты и счета. Затем обнаружилось послание от Гилберта, написанное его характерным почерком. Элли вскрыла конверт, пробежала взглядом адрес и сказала:

– Да, оно здесь.

От адвоката Билла Уэзерспуна ничего не пришло, а должно было, потому что Элли попросила его присмотреть за Норой в ее отсутствие.

Элли попыталась помочь, когда Гилберт обнаружил, что квартира Норы – вместе с другими квартирами в этом квартале – принадлежит тете Элли по мужу, мисс Друзилле Квик. Эта грозная дама всегда притворялась, будто у нее нет ни гроша за душой, кроме пенсии по старости, а оказалось, что на самом деле она очень богата.

От одной только мысли о том, чтобы скрестить мечи с этой пожилой женщиной, пульс Элли участился в три раза, но по настоянию Гилберта она вступилась за Нору. У Элли было одно большое преимущество в переговорах с тетей. Покойный муж Фрэнк оставил Элли большой викторианский

дом семьи Квик, в котором тетя Друзилла жила всю жизнь. Хотя Элли, в общем-то, не любила шантаж, угрожая продать дом вопреки желаниям мисс Квик, она добилась продления срока аренды для Нору. Перед тем как уехать на Рождество, Элли попросила своего адвоката оформить договор Нору.

Однако в стопке писем его послания не было, и на автоответчике тоже никаких сообщений. Элли вздохнула.

– Как там Нора?

Миссис Доуз подняла пухлые руки в знак покорности судьбе.

– Плачет. Все на нее злятся. Если б она не вела себя так глупо, мы бы не потеряли Гилберта. Он был хорошим священником, и нам будет его не хватать. Тихоня Тимоти не в состоянии удержать приход. Официально Нора заболела вирусом. Я думала навестить ее, но погода выдалась плохая и с моей ногой творилось что-то дьявольское. Но теперь, когда вы вернулись, вы ведь сможете заглянуть к ней, да?

Прощаясь с миссис Доуз, Элли подумала, что меньше всего на свете ей хотелось бы навещать Нору. Ее визит к Диане и Стюарту прошел, мягко говоря, беспокойно. Дочь и зять настаивали, чтобы Элли продала дом и переехала в небольшую квартиру неподалеку от них. Элли понимала, что они надеялись сделать ее бесплатной няней для ребенка.

Диана и Стюарт находились в тяжелом финансовом положении. Как говорил покойный отец Дианы, ее аппетиты непомерны. Фрэнк дал дочери и зятю крупную сумму денег

для покупки небольшого дома, но вместо этого молодая пара взяла непосильную ипотеку на дорогой особняк. Стюарт работал всего лишь менеджером среднего звена и, вероятно, останется им до конца жизни, а Диана не смогла вернуться к работе на полную ставку из-за ребенка. С каждым месяцем они все больше отставали с выплатами по ипотеке.

Диана хотела решить проблему, попросив у отца еще большую сумму денег. Фрэнк отказался, заявив, что молодая семья должна учиться жить по средствам. Элли была склонна согласиться с ним, но после смерти мужа стала оплачивать няню для ребенка, чтобы дочь вышла работать на полную ставку. Правда, до сих пор Диана не смогла найти такую должность, которая бы ей нравилась.

Фрэнк и Элли совместно владели домом в Лондоне. По условиям завещания Фрэнка, его половина дома пожизненно оставалась у жены и только после ее смерти должна была перейти к дочери. Поэтому Диана активно зазывала Элли к себе на север, надеясь прибрать к рукам часть капитала от продажи дома.

В какой-то момент Элли почувствовала, что ей следует переехать ради мира и спокойствия, а также ради малыша Фрэнка. С другой стороны, в роли няни она никогда не добивалась успеха, поскольку Диана запрещала Элли брать маленького мальчика на руки, когда он плакал. А он, похоже, очень много плакал.

Элли любила свою дочь, конечно, любила. Но в одном не

было никаких сомнений: Диана во всем хотела поступать по-своему. Элли порой казалось, что дочь отчасти унаследовала характер тети Друзиллы.

Теперь, вернувшись, Элли поняла, что на самом деле не хочет переезжать. Она любила свой маленький домик и сад, обзавелась множеством друзей в приходе и все еще лелеяла идею пристроить оранжерею. Если бы только она не скучала так сильно по Фрэнку! Три месяца – ничтожный срок. Вчера вечером, когда Элли вернулась, в доме было так холодно и пусто. Она едва сдержалась, чтобы не разрыдаться.

А теперь еще эта неприятность с Норой.

Сплошные огорчения.

* * *

– Дом священника в приходе Святого Фомы.

– Гилберт? Это Элли.

– Слава Господу, вы вернулись! Элли, это не телефонный разговор. Вы можете приехать сегодня? Переночуете у нас. Приезжайте на метро, я встречу вас на станции в любое время после семи. У меня вечерняя служба в шесть.

– Вы хотите, чтобы я приехала сегодня вечером? Но, Гилберт, идет дождь и...

– Я бы не просил, если б это не было важно, Элли.

Она подавила вздох, подумав о том, как неприятно путешествовать по Лондону на общественном транспорте в хо-

лодное январское воскресенье. Затем Элли вспомнила, что теперь у нее есть деньги в банке благодаря предусмотрительности Фрэнка.

– Я возьму такси. Буду к семи.

* * *

Пухлые умелые руки насыпали восковые гранулы в пароварку и вставили термометр. Воск должен растаять, но не закипеть. Тем временем руки приготовили специальную форму для изготовления свечей – в виде кошки.

В приготовлениях была особенность: в свече отсутствовал фитиль.

В нужный момент, когда воск стал жидким, но не слишком горячим, его залили в форму и оставили остывать. Вскоре форму можно вынимать. Затем умелые руки туго обвязали проволокой шею восковой кошки, оставляя длинную петлю.

* * *

Когда такси отъехало, Элли раскрыла зонт. На голые деревья в расположенном неподалеку пустынном парке накrapывал мелкий дождик. Заросли раkitника на возвышении отделяли ярко освещенную современную церковь от приле-

гающего к ней зала и приходской конторы. В обоих направлениях тянулись ряды домов постройки шестидесятых годов, за которыми виднелись многоэтажки, а дальше по дороге мерцающая неоновая вывеска рекламировала большой торговый центр.

Пока Элли оглядывалась, двойные двери церкви распахнулись настежь, а органист взял заключительные аккорды. В отличие от бедняжки Норы, этот музыкант любил много шума. Вечерняя служба закончилась. Люди начали выходить из церкви, раскрывая зонты. Элли видела, как Гилберт пожимает руки своим новым прихожанам, улыбается, наклоняется ко всем тонким, как у паука, телом, чтобы выслушать женщину или помочь пожилому мужчине раскрыть зонт.

Прихожан было довольно много.

Молодец, Гилберт.

Элли взяла свою дорожную сумку и свернула налево, на подъездную дорожку к двухэтажному дому священника, современному, как и церковь. Включились фонари, и она смогла разглядеть аккуратные клумбы желтофиоли по обе стороны застекленного крыльца.

Лиз Адамс открыла дверь и по-медвежьи обняла Элли.

– Слава богу, вы приехали! Мы были в полном недоумении!

С лошадиным лицом, тщательно прокрашенная блондинка, Лиз была очень уважаемым консультантом и, похоже, сильно страдала от беспокойства. Однако, вспомнив о роли

хозяйки, она взяла у Элли сумку и повела ее в зал с центральным отоплением.

– Дорогая Элли, я не хотела с порога так набрасываться. Рада вас видеть. Заходите и согрейтесь. Поговорим позже. Ужин будет через полчаса, а свободная постель для вас приготовлена. И смотрите! Работющее центральное отопление!

Выскользнув из пальто, Элли от всей души поздравила Лиз с улучшением жилищных условий. Какой контраст с неудобным, холодным и продуваемым сквозняками викторианским развалюхой-домом священника в бывшем приходе! Здесь в холле от стены до стены лежал коричнево-кремовый ковер в крапинку, а сам коридор вел через открытые двери в просторную гостиную с занавесками из золотой парчи на подкладке, скрывающими ночь. Шипение, доносившееся слева, говорило, что на светлой современной кухне готовится жаркое.

Лестница поднималась на площадку второго этажа, откуда выкрашенные в белый цвет двери вели в спальни и ванные комнаты. Из кабинета в задней части дома доносились звуки компьютерной игры. Сверху долетала поп-музыка, но, приглушенные плотными коврами и занавесками, звуки не казались такими навязчивыми, как в старом доме священника.

– Мы за все благодарны Господу, – сказала Лиз, провожая Элли в гостиную. В одном конце комнаты газовый камин с имитацией угля подчеркивал старинную мебель, а в другом был накрыт стол к ужину. Лиз явно испытывала неподдель-

ное удовольствие, демонстрируя свой новый дом, но, конечно же, морщины на ее лбу стали глубже, чем были, когда Элли видела ее в последний раз.

Жена священника изобразила на лице чересчур радостную улыбку.

– Никаких сквозняков, никаких запахов, вся сантехника работает, в приходском офисе служит квалифицированный секретарь, у меня новая работа с более высокой оплатой, так что мы можем позволить себе заменить кое-что из старой мебели, детям нравятся их новые школы, а Гилберт бесконечно счастлив.

– Если у вас все так чудесно, – заметила Элли, – зачем вам понадобилось с такой срочностью тащить меня сюда сегодня вечером? Я, конечно, рада снова видеть вас обоих...

Улыбка Лиз исчезла.

– Гилберт все объяснит после ужина. Вы ведь останетесь на ночь, правда?

* * *

Гилберт отхлебнул кофе, насыпал еще две ложки сахара, снова размешал, сделал большой глоток и вытянул длинные ноги.

– Что ж, Элли, как вы, наверное, догадались, речь пойдет о Норе. На этот раз епископ мне поверил, но если случится что-нибудь еще и все это станет достоянием общественно-

сти... – Он пожал плечами. – Вы же знаете, как некоторые таблоиды ухватятся за скандал в Церкви. Скорее всего, мне придется подать в отставку.

– Но ведь вы переехали...

– Это ее не остановит. Похоже, она сошла с ума. Как думаете, вы можете что-то с этим сделать?

Глава 2

Элли глубоко вздохнула.

– Послушайте, я вернулась только вчера поздно вечером. Миссис Доуз рассказала мне о письмах сегодня утром после церкви, но она ничего не говорила о том, что Нора сошла с ума. Вы наверняка преувеличиваете.

– Не думаю. Вы сами видели перед Рождеством, что она стала зависеть от меня. Я виню себя. Мне следовало быть более осторожным, возможно, больше вовлекать Лиз в это дело. Я думал, что помогаю Норе, но, как оказалось... Что ж, в любом случае, вряд ли поначалу ее чувства ко мне отличались от сестринских или даже дочерних. Это понятно, если вспомнить, как сильно она была зависима от своего отца.

– Когда стали приходить письма, – вмешалась Лиз, – Нора начала вести себя так, будто они с Гилбертом *действительно* тайные любовники. Похоже, она думает, что он влюблен в нее так же сильно, как и она в него. Она утверждает, что он переехал из прихода сюда, чтобы они могли быть вместе.

– Как будто я хотел этого! – Гилберт в негодовании взмахнул обеими руками, отчего у него слетели очки. Лиз коснулась плеча мужа. Он надел очки, улыбнулся в ответ и накрыл ее ладонь своей.

Элли почувствовала укол зависти. Как на давно сложившуюся супружескую пару на Гилберта и Лиз было приятно

посмотреть, но теперь, когда Фрэнк покинул этот мир...

Куда она дела свой носовой платок?

– Гилберт, дорогой, я знаю, ты бы не стал! – воскликнула Лиз. – Но в будущем тебе действительно следует научиться держать свои руки при себе.

Она произнесла это шутливым тоном, но, несомненно, имела в виду именно то, что сказала. Лиз повернулась к Элли:

– К счастью, епископ уже пару месяцев обсуждал с Гилбертом возможность переезда сюда. Нам было неловко, что мы не можем рассказать все нашим друзьям, но мы должны были держать это в секрете, пока епископ не примет решение. Предыдущий священник скорпостижно скончался, и все дела взвалили на себя его помощник и два клирика. Это процветающий приход, в котором проводится множество мероприятий: просветительская работа, ознакомительные встречи, программы духовного роста, библейские семинары. Для Гилберта это прекрасная возможность, и он как раз подходит для такой работы. О, и кстати, Элли, поздравьте его. Издательство одобрило его книгу о современных святых!

– О, как чудесно! Поздравляю!

– Да, мы в восторге от происходящего, хотя и скучаем по некоторым старым друзьям. В особенности, конечно, по вам.

– Ох, вы мне льстите.

– Чистая правда, – подмигнул ей Гилберт. – Мы пытались

дозвониться до вас, как только узнали, что переезжаем. Потом до нас дошли слухи, что вы заняты уходом за больными родственниками. По первоначальному плану мы должны были переехать после Пасхи, но когда стали приходить письма, епископ сказал, что пора собирать вещи, потому что ситуация обостряется...

– ...А теперь, – добавила Лиз, – становится все хуже, и именно поэтому нам нужна ваша помощь, Элли. На прошлой неделе Нора появилась здесь с чемоданом: волосы растрепаны, пальто застегнуто неправильно. Я пригласила ее подождать Гилберта. В это время он вел курсы обучения основам религии для молодежи. Нора волновалась все больше и больше. В итоге она бросилась в церковный зал и ворвалась на занятие, которое, к счастью, уже заканчивалось.

Гилберт снова всплеснул руками, покраснев от смущения, но пытаясь скрыть это смехом.

– Ужас! Она попыталась поцеловать меня...

– Я, конечно, последовала за ней, – кивнула Лиз. – И увидела, как она бросилась к нему, пытаясь обвить руками шею.

– Не смейтесь, – сказал Гилберт. – Это действительно было не смешно!

Лиз встретила взглядом с Элли. Обе женщины прыснули со смеху, но быстро подавили его. Гилберта никто бы не назвал красавцем, хотя некоторые считали его профиль аристократичным. Кроме того, он был очень высоким и худощавым, а Нора – ниже среднего роста.

Лиз покачала головой:

– Вообще-то это трагично. Нет ничего нового в том, что незамужние дамы неопределенного возраста влюбляются в священника. Очень похоже на викторианскую мелодраму. Сначала нам было ее жаль. Но теперь...

Гилберт положил руку на колено жены.

– Давай будем честны. Давным-давно ты говорила, что она странно себя ведет, но я полагал, что вижу разницу между ее некоторой зависимостью от меня и паранойей.

Элли резко выпрямилась.

– Думаете, у нее паранойя?

Лиз скривилась.

– Она была в ярости, когда я попыталась оттащить ее от Гилберта. Словно разум потеряла.

– И вы хотите, чтобы я помешала ей устроить очередной скандал, – продолжила Элли. – Но как?

– Придумайте что-нибудь, – попросил Гилберт.

* * *

Мерзкое, холодное, дождливое утро понедельника. Белый фургон остановился на боковой улочке, пока водитель сверялся с картой города. Лет двадцати пяти на вид, с густой копной темных волос, он был одет в заляпанный краской комбинезон.

Убедившись, что находится неподалеку от места назна-

чения, он открыл багажник фургона и порылся в нем в поисках одной полупустой банки с краской. Приподнял крышку, чтобы еще раз проверить цвет. Не стоит тратить краску впустую, она может в будущем пригодиться.

Он надеялся, что легко проникнет в подъезд дома, но если нет, то нажимал бы подряд все дверные звонки, пока кто-нибудь не впустил бы его. Сказал бы, что доставляет посылку.

В некотором смысле так оно и было.

* * *

Элли решила, что в такое утро легко впасть в депрессию, если не включить везде свет и центральное отопление. Или, как вариант, пойти куда-нибудь выпить кофе с подругой.

Вместо этого она остановилась у подъезда дома, где жила Нора, и нажала на кнопку звонка, расположенную рядом с именем органистки. Входная дверь оставалась плотно закрытой, никто не отвечал. Элли подождала. Затем позвонила снова.

Возможно, Нора куда-то вышла. Элли захотелось оказаться где-нибудь в другом месте, желательно подальше отсюда. Как долго ей следует ждать?

Она подумала о том, сколько приятных вещей могла бы сделать, например, купить новую одежду. Рой Бартрик пригласил ее на ужин. Какой хороший человек. Обычно Элли не

принимала приглашения на ужин от мужчины в самом начале их знакомства, но он сказал, что ее знания местности пригодятся ему для работы, и она согласилась.

Или же она могла бы просматривать каталоги оранжерей, или есть шоколадные конфеты, почитывая взятый в библиотеке уютный детектив.

Элли пожалела, что не надела под пальто что-нибудь более плотное. На улице было холодно и ветрено. Внешний вид многоквартирного дома показался ей отталкивающим, так как он напоминал выброшенный на сушу океанский лайнер, с его закругленными углами и утопленными внутрь балконами. Несомненно, в солнечный день здание выглядело очаровательно, но сегодня казалось, что оно сердито взирает сверху на прохожих. Элли подумала, что это типично для тети Друзиллы – владеть собственностью в здании, которое смотрит на тебя исподлобья.

Она поразмыслила, может ли многоквартирный дом действительно отражать характер своего владельца. Если да, то Элли бы понравился загородный коттедж с розами у входа и приличным участком хорошей земли для выращивания овощей. Конечно, со всеми удобствами внутри, включая центральное отопление и, возможно, гараж для машины, которую она когда-нибудь научится водить.

Все же ей нужно продолжать брать уроки вождения. Первый состоялся перед Рождеством и был настоящим кошмаром. Инструктор явно придерживался мнения, что женщина

ее возраста никогда не сдаст экзамен. Это пугало.

Если так подумать, то к черту коттедж. Что бы она стала делать, живя за городом, в нескольких милях от ближайшего магазина, и не умея водить машину? Или даже если б научилась водить?

Элли снова позвонила в дверь. Ей понравился вечер, проведенный с Гилбертом и Лиз. Ее позабавило, но немного опечалило, что Гилберт уже начал без сожаления вспоминать годы, проведенные в прежней церкви.

Рано утром в понедельник Элли добралась до своего дома на такси, отметив по дороге к парадной двери, что в саду не помешало бы немного прибраться. Она заглянула посмотреть, дома ли ее молодые соседи Кейт и Арман. Нет, на улице не было ни одной машины. Внутри не горел свет. Она надеялась, что у них все в порядке. Их брак складывался непросто.

Элли почувствовала внутреннее возмущение. Почему она должна решать проблемы Гилберта за него? Или за Нору, если уж на то пошло. Единственной интересной новостью в почте была записка от Роя, который приглашал ее поужинать в отеле, где временно остановился. Элли позвонила в отель и попросила передать, что принимает приглашение.

Она загрузила белье в стиральную машину, проверила остатки продуктов, составила список покупок, оплатила кое-какие счета, немного вытерла пыль, протерла столовое серебро. Решила, что не станет навещать Нору. Нет. Но позвонит своему адвокату Биллу Уэзерспуну и выяснит, как да-

леко он продвинулся с продлением срока аренды квартиры Норы.

Во время первой консультации Билл не возлагал особых надежд на то, что тетя Друзилла совершит такой не характерный для нее акт благотворительности, как продление срока аренды на выгодных для Норы условиях. Однако он пообещал, что поможет органистке найти другое жилье, если сделка сорвется.

Поэтому Элли позвонила Биллу в офис, чтобы узнать, как обстоят дела. К сожалению, выяснилось, что он уехал на какую-то конференцию, а его секретарша не захотела помочь, заявив, что ничего не знает об этом деле.

Вот зараза. Это означало, что Элли придется действовать самой.

Что ж, она, конечно, могла. Не ее вина, что Нора оказалась в таком состоянии. Но Элли все равно ощущала себя виноватой. Она узнала, что у Норы неприятности, еще до Рождества. Попросила Билла что-нибудь предпринять по этому поводу, но сомневалась в результатах. По правде говоря, Элли совсем забыла о Норе, пока гостила на севере у Дианы. Кроме того, в ее памяти постоянно всплывали слова Гилберта, назвавшего Нору «сумасшедшей».

* * *

Элли снова позвонила в дверь. Она решила подождать

еще пять минут.

Женщина средних лет взбежала по ступенькам к входной двери многоквартирного дома, доставая свой ключ. Явно живет здесь. На вкус Элли, прическа, одежда, маникюр и макияж женщины были чересчур яркими, но выглядела она добродушной.

Элли указала на имя Норы на домофоне.

– Вы, случайно, не знаете, дома ли ваша соседка?

– Думаю, да. Она живет на той же лестничной площадке, что и я. Сейчас она редко выходит из дома. Поднимитесь и попробуйте постучаться к ней.

На третьем этаже Элли снова нажала на звонок. Ответа по-прежнему не последовало. Услужливая соседка забарабанила в дверь Норы и закричала:

– Открывай, Нора! Это я! К тебе гости!

Дверь приоткрылась на ширину цепочки как раз в тот момент, когда в квартире напротив зазвонил телефон. Пробормотав извинения, соседка убежала.

– Нора? – позвала Элли. – Это всего лишь я, Элли Квик. Можно мне зайти на минутку? – Дверь снова начала закрываться. – У меня для вас сообщение от Гилберта.

Нора сняла цепочку и открыла дверь достаточно широко, чтобы Элли могла проскользнуть внутрь. Затем она снова надела цепочку. Неужели это просто паранойя?

Женщина провела ее в большую гостиную, окна которой, если расчеты Элли были верны, выходили на реку. Однако

шторы оставались задернутыми, и свет исходил только от тусклой настольной лампы.

В комнате пахло стариком. Сколько времени прошло с тех пор, как умер отец Норы? Запах ведь должен уже выветриться? В глубине комнаты дышалось лучше. Где-то было открыто окно, принося с реки холодный ветер.

– Как здесь темно! – с напускным весельем воскликнула Элли. – Может, откроем шторы?

Не дожидаясь ответа, она раздвинула шторы, чтобы впустить серый утренний свет. Нора прикрыла глаза руками. На ней был поношенный мужской серый халат, который волочился сзади по полу. Все в комнате было либо серого, либо коричневого цвета, либо смеси того и другого. Спутанные седоватые волосы Норы выглядели так, словно их давно не мыли, а по нездоровому виду кожи Элли вполне могла предположить, что бедняжка несколько дней не выходила из квартиры.

Не позволяя себе испытывать отвращение, Элли взяла Нору за руку и подвела к мягкому сероватому дивану, покрытому множеством вязаных одеял. Элли старалась не думать о происхождении запаха, исходившего от обивки, когда они сели. Возможно, именно здесь отец Норы провел свои последние дни.

– Нора, когда вы в последний раз нормально ели?

Покрасневшие веки, покрасневший кончик носа. Глаза смотрели на Элли, а руки теребили пуговицы на халате.

– Вас прислал Гилберт?

– И Гилберт, и Лиз очень беспокоятся о вас, – сказала Элли, и ее голос показался слишком громким и уверенным в этой блеклой обстановке.

«Вторая мисс Хэвишем, – подумала она. – Отвергнутая возлюбленным, она заперта в своей квартире на два замка».

– Вы с ним говорили? – Потухшие глаза оживились. Губы дрогнули в улыбке. – О, слава богу! Он не забыл меня! Когда он придет?

Ее руки оторвались от пуговиц и вцепились в Элли. Ногти были как когти, не слишком чистые.

– Нет, дорогая, нет. – Элли попыталась высвободиться, но безуспешно. Она приказала себе сохранять спокойствие. – Послушайте. Гилберт и Лиз пригласили меня вчера вечером к себе в новый дом. Они оба беспокоятся о вас. Они попросили меня навестить вас...

– Все в порядке, я понимаю! – залепетала Нора с лихорадочной веселостью. – Он не может говорить при... ней! Он передал вам письмо для меня, да?

– Нет. Послушайте, Нора. Вам нехорошо. Кто ваш лечащий врач?

– Мне не нужно больше ходить к врачу. Она дала мне какие-то таблетки. Они не помогают. Понимаете, это ожидание... – Нора заплакала.

Элли высвободилась, сказав, что приготовит чашку чая. Состояние кухни оказалось не многим лучше гостиной.

Очевидно, Нора какое-то время питалась бутербродами, оставляя хлеб и сыр на столе в перерывах между приемами пищи. Два треснувших блюда на полу намекали на присутствие кошки. Возле плиты притаился таракан. Элли вздрогнула, но сказала себе, что она намного крупнее таракана и не позволит ему запугать ее.

Чайник. Чай. Литровая бутылка молока в пустом холодильнике. Сахара нет. Очень тщательно вымыть две запачканные кружки. Заварить чай. Не обращать внимания на таракана. Где кошка? Едят ли кошки тараканов?

На столе лежала какая-то макулатура. И лист бумаги сиреневого цвета с посланием, написанным неровными заглавными буквами с наклоном влево. Элли прочла его с потрясенным видом. Сверху было написано одно слово:

«Проститутка!»

А дальше:

«ИЗ-ЗА ТЕБЯ ОН ПОТЕРЯЛ РАБОТУ, ТАК ЧТО
ТЫ ЕМУ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНА».

– Увидели, да? – возникла на пороге Нора.

Элли кивнула. Одно дело – слышать об оскорбительных анонимных письмах, и совсем другое – читать их. Ее затошнило.

– Есть и другие. Раньше я рвала их и смывала в унитаз, но теперь оставляю. Бумага таких красивых цветов. Все цвета радуги. Синяя, красная и зеленая. Где-то здесь есть и жел-

тая. – Голос Норы звучал отстраненно, словно письма предназначались кому-то другому.

– Нора, дорогая, это ужасно. Вы должны отнести их в полицию. Там быстро выяснят, кто это делает.

Нора слабо улыбнулась.

– Ни за что. Имя Гилберта не должно попасть в газеты. – Она взяла кружку с чаем и обхватила ее руками. – У вас есть для меня сообщение от него?

Ее глаза молили об утешении, но Элли не могла его дать.

– Он очень беспокоится о вас. И попросил меня встретиться с вами, узнать, что происходит с квартирой и с вашим выселением.

– Письма не передал?

Элли покачала головой:

– Нора, вы же понимаете, что никакого письма не будет. Гилберт и Лиз сделали для вас все, что могли.

Нора заскулила. Она нырнула обратно в коридор и открыла дверь. В спальню? В ванную? Элли слышала, как женщина сморкается. Она также услышала странный глухой стук из коридора и подумала, слышала ли его Нора тоже. Казалось, будто кто-то постучал во входную дверь, но Нора даже не пошевелилась, чтобы открыть ее.

Элли пожала плечами и отнесла две кружки в гостиную. Поставив их на стол, она чуть не расплескала содержимое. На спинке высокого кресла сидел длинноногий рыжий кот. Он оглядел Элли золотистыми глазами, а затем исчез.

Элли села на ближайший стул. «Алиса в стране чудес», – подумала она. Чеширский кот. Затем она почувствовала, как гладкий теплый мех потерялся о ее ноги слева направо, а прямой как палка хвост пощекотал руку.

– О, хорошо. Москит вернулся. Я уже начала беспокоиться о нем. – Нора выглядела почти нормально. Она сбросила халат, надела джемпер песочного цвета, юбку и провела расческой по волосам.

– Москит?! – переспросила Элли, подумав, что неправильно расслышала.

Время от времени кошкам дают неподходящие клички, но эта была нелепая. Тигр, Киллер или Гепард больше подошли бы для кота, который выглядел так, словно мог побить олимпийский рекорд. Элли пошевелила ногами, когда Москит обнюхал ее обувь. Не наступила ли она по дороге на что-нибудь неподобающее?

– Предыдущие хозяева называли его Москитом. Дело в том, что они взяли его еще котенком и он постоянно прыгал во круг, пытаясь поймать мух.

Нора взяла свой чай и сделала глоток. Ее голос звучал так буднично, словно с ней все было в порядке, выдавало лишь то, как она сжимала кружку напряженными, сведенными судорогой руками. Она даже растянула губы в попытке улыбнуться. Получилось не очень.

– Видите ли, после папиной смерти мне стало одиноко. Гилберт посоветовал завести маленькую собачку, чтобы я гу-

ляла с ней. Папе не нравились животные в доме. Говорил, что от них воняет. Я обратилась в организацию по спасению домашних животных, а там срочно искали дом для Москита. Как и я, он всегда жил в квартире, но хозяева утверждали, что он очень чистоплотный. Так оно и есть. Но мне все время приходится оставлять для него окно открытым. – Ее голос затих.

Это объясняло приток свежего воздуха.

Москит вертелся вокруг ног Элли. Он очень громко мурлыкал. Элли никогда не имела дела с кошками и считала, что они ей не нравятся. Она попыталась отогнать его.

– Что? – очнулась от мыслей Нора. – Видите ли, на прежнем месте Москит привык выходить на улицу и убивать птиц. Голубей. Казалось бы – ерунда, но это были специально обученные голуби. Владелец заявил, что подаст в суд, если от Москита не избавятся. Поэтому я взяла его к себе, и это правда: он убивает все живое. Я вижу его из своего окна. Но он не таскает ничего в дом.

Элли пискнула, когда Москит решил, что теперь ему хочется посидеть у нее на коленях. Испытывая ее терпение, он потоптался на юбке, повертелся вокруг себя, а затем улегся. Выпустит ли он когти, если она попробует его согнать? Он выглядел очень решительным.

Нора наблюдала за ним без ревности.

– Вы ему понравились. Это хорошо, да?..

Ее голос снова затих.

Элли попыталась незаметно сдвинуть кота, но тот не поддался. Он был довольно тяжелым.

– Нора, что насчет квартиры?

– Квартиры? Ах да. Срок аренды истекает в конце января.

– Я попросила мистера Уэзерспуна попытаться продлить для вас договор аренды.

– Это ваш адвокат? По-моему, он заходил повидаться со мной. Сказал, что пытался продлить аренду, но безуспешно. Спросил, есть ли у меня родные или друзья, которые могли бы помочь. Я ответила, что где-то есть сводный брат, но мы никогда не встречались. После смерти папы он написал мне в надежде на наследство. Только насмешил. Он хотел, чтобы я помогла ему финансово! Я написала ему, что папина пенсия умерла вместе с ним, а у меня осталось только...

Она обвела рукой комнату.

– Мистер Уэзерспун интересовался, не нужна ли мне помощь в приобретении муниципальной квартиры, но я не смогла бы там жить. Нет, не смогла бы. Тогда он спросил, нет ли у меня друзей, к которым я могла бы пойти? Я пообещала это выяснить. Он сказал, что пришлет мне список других квартир для аренды, но ничего не прислал. Да это и не важно. Теперь.

– Нора, вам действительно не стоит больше ожидать помощи от Гилберта. Он всегда будет вашим другом, но вы больше не должны пользоваться его добротой.

Лицо Норы исказилось. Элли отвела взгляд. Она чувство-

вала себя так, словно ударила маленького ребенка, но каким-то образом ей требовалось заставить Нору взглянуть правде в глаза.

В ладонь Элли ткнулась круглая голова. Москит хотел, чтобы его погладили. Взволнованная, Элли убрала руку. Она попыталась сесть так, чтобы Москиту стало неудобно. Тот, казалось, ничего не заметил. Много лет назад, когда Диане исполнилось семь или восемь лет, она попросила завести ко-тенка, но Фрэнк слегка страдал астмой, так что об этом не могло быть и речи.

Элли наклонилась вперед на стуле. Кот бросил на нее возмущенный взгляд и удалился. Только что лежал тут, а в следующее мгновение оказался на подоконнике. Элли смахнула шерсть с колен – это была еще одна причина, по которой Фрэнк запретил заводить кошку, – и встала.

– Нора, я собиралась навестить вас сразу после Рождества, но задержалась у Дианы. Я просила тетю Друзиллу сделать что-нибудь для вас, но...

– Я говорила с ней. Мы пришли к взаимопониманию. Не беспокойтесь обо мне, – ответила Нора, снова уставившись в пространство. – Я сама обо всем договорилась.

– Да?

Элли оглядела комнату, заставленную тяжелой, устаревшей мебелью, застекленными книжными шкафами со старомодными книгами, посудными шкафчиками и восьмиместным обеденным гарнитуром. Большая часть этого наверняка

была куплена еще до войны, и, похоже, с тех пор здесь ничего не менялось. Упаковать все это добро будет непросто.

Предположительно, Нора договорилась о переезде к подруге. Элли надеялась, что у подруги найдется просторная комната, потому что эта мебель займет много места.

– Порекомендовать вам хорошую фирму по перевозке вещей?

– Я же сказала, что все устроено.

– Тогда все в порядке.

Нора снова уставилась в пространство. Кот исчез. Элли надеялась, что он гоняется за тараканами, но, возможно, переоценивала его.

– Тогда я пойду.

Нора кивнула, но не встала. Элли сняла с двери цепочку и с облегчением вышла. На лестничной площадке было намного светлее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.